

языка и методики сбора языкового материала. Работу дополняют фотографии и карта прибалтийско-финских поселений в Ленинградской области.

Очень ценно то, что автор сумел подчеркнуть важность сбора и исследования языкового материала и в первую очередь большое значение сравнительного исследования родственных языков. Читатели, не являющиеся специалистами в области языкознания, получают представление о том, как изучение ижорского

и других финно-угорских языков помогает познать развитие эстонского языка, выяснить его связи с родственными языками, узнают, как языковые данные помогают изучению истории этих народов. И, может быть, даже людям, абсолютно равнодушным к языковым проблемам, станет понятно, для чего собираются, хранятся и изучаются материалы языков, в наше время уже отмирающих и не имеющих практического значения.

ЭЛЬНА АДЛЕР (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1965.1.14>

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ МОРДОВСКОГО НАРОДА

С 8 по 10 декабря 1964 г. в Саранске проходила научная сессия по вопросам этногенеза мордовского народа, организованная Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР совместно с Институтом археологии АН СССР, Институтом языкознания АН СССР и Институтом этнографии АН СССР. В работе сессии приняли активное участие языковеды, фольклористы, историки, археологи, этнографы, антропологи из Москвы, Ленинграда, Саранска, Йошкар-Ола, Таллина, Петрозаводска и других городов.

Большой научный интерес представил доклад П. Н. Третьякова (Ленинград) «К вопросу о возникновении и древнейшей истории финно-угорских племен Поволжья». Археологические исследования последних десятилетий внесли много нового в освещение вопроса о происхождении древних финно-угорских племен. Если раньше охотничье-рыболовецкая неолитическая культура лесной полосы Европейской части СССР и Зауралья представлялась в виде единой культуры ямочно-гребенчатой керамики, то теперь удалось выяснить, что она состояла из ряда различных культурно-этнических общностей (урало-камская, волго-окская и др.). Имеются основания рассматривать уральско-камские неолити-

ческие племена как древних угро-финнов. Их главные центры находились у границы лесной и степной полос на Южном и Среднем Урале. Отсюда шло расселение далеко на север и запад. В области нижнего течения Оки, в Верхнем Поволжье и в некоторых более северных восточно-европейских областях на рубеже III и II тыс. и в начале I тыс. до н. э., а в отдельных местах и раньше произошли значительные изменения состава населения за счет проникновения сюда выходцев из уральско-камской неолитической области.

На рубеже и в первые века II тыс. до н. э. в Поволжье с юго-запада вторглись пастушеские племена, носители фатьяновской, балановской, а позднее абашевской культуры. Это были, по всей вероятности, индоевропейцы, близкие древним балтам. Появление угро-финнов еще больше усложнило здесь напряженные отношения между племенами. В результате через некоторое время навсегда исчезли названные индоевропейские племена.

К началу I тыс. до н. э. в области Верхнего Поволжья и бассейна Оки, а также в местностях, лежащих между Верхним Поволжьем и Восточной Прибалтикой, сложилась более или менее однородная культура (текстильной керамики). Есть все основания полагать, что главными ее создателями были потомки

племен уральско-камского происхождения — угро-финны, смешавшиеся с местным волго-окским населением. Городища «раннего железного века» в области Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья в это время, по сути дела, почти не отличались друг от друга. Очевидно, в I тыс. до н. э. культурные особенности, разделившие позднее отдельные группы поволжских финно-угорских племен, еще не сформировались. Это обособление произошло позднее, в I тыс. н. э.

О дальнейшей судьбе поволжских финно-угорских племен говорил А. П. Смирнов (Москва) в своем докладе «Этногенез мордовского народа по данным археологии (I-е тыс. н. э. до XV в.)».

К началу н. э. определилась этническая карта финно-угорских народов. Среди древнемордовских племен, характеризующихся городской культурой, выделились отдельные племенные группы.

Область, которую занимали мордовские племена, в середине I тыс. н. э. осталась в основном прежней. На территории Западного Поволжья жили хотя и родственные, но различные племена. По нижнему течению Оки в это время выделялась мурома. От них отличается группа племен в области Рязанского течения Оки. Близкие к мордве племена жили по Чувашскому течению Волги. Наконец, по Цне и Мокше, в пределах Пензенской области жили мордва-мокша и эрзя. По-видимому, все правобережье Волги заселяли родственные племена, которые, если и можно считать мордовскими, то во всяком случае не эрзьями. Новые археологические материалы свидетельствуют о продвижении эрзянских племен на север от своей основной территории.

Приблизительно в VI—VII вв. н. э. мордовские племена расселились по левому берегу Волги от Камы до Саратова.

А. П. Смирнов причисляет к мордовским племенам и буртас, вопрос об этнической принадлежности которых остается спорным.

Материал из мордовских могильников I тыс. н. э. свидетельствует об инфильтрации племен из Прикамья. Прослеживаются культурные связи со степным миром, с древними славянами, а также с северными соседями.

В жизни мордовских племен большую роль сыграли болгары, которые, по ар-

хеологическим данным, начали проникать в Среднее Поволжье в VIII веке. Здесь болгары столкнулись с мордовскими племенами и потеснили их. По-видимому, часть населения осталась и вошла в состав Болгарского государства. Это доказывают и памятники с левого берега Волги.

Наряду с болгарским влиянием как в культурном, так и в этническом отношении большое влияние на мордву оказали русские.

К X—XI вв. мордовские племена достигли значительной ступени хозяйственного и общественного развития. Перед нами общество, стоявшее на грани появления классовых отношений, государства.

Археологический материал конца I тыс. н. э. позволяет определить этнические признаки мокши и эрзи.

Итоги изучения антропологического состава мордовского народа были приведены в докладе К. Марк (Таллин) «Этногенез мордовского народа по данным антропологии». Она сообщила, что по всем признакам первого порядка мордва занимает промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. Признаки монголоидной большой расы более отчетливо выражены у мордвы-мокши на северо-западе Мордовской АССР. По этим признакам они сходны с марийцами, удмуртами и коми-пермяками. Все названные народы относятся к урало-лапоноидной группе типов. По форме головы мокша является более длинноголовой и может считаться представителем субуральского типа.

Более южные группы мордвы-мокши, а также мордва-эрзя приближаются к европеоидам с небольшой монголоидной примесью. Мордва-эрзя характеризуется светлой пигментацией глаз и волос, что позволяет отнести их к северным европеоидам. Обнаружено сходство их с западнобалтийским типом, типичными представителями которого являются западные эстонцы и латыши.

Некоторые более южные группы мордвы-мокши характеризуются более темной пигментацией. Они сходны с южными европеоидами, точнее, с северо-понтийским типом.

Субуральский тип, наверное, образовался из протолапоноидного типа, который в эпоху неолита был распространен среди

всех финно-угорских племен. Северопонтийский тип, по-видимому, имеет происхождение и связан с влиянием иранских племен.

Светлопигментированный европеоидный тип, преобладающий среди эрзи, несомненно, генетически связан с древним протоевропейским типом. Вероятно, он господствовал уже у ранних волго-окских племен. Однако на территорию, где позже поселились предки эрзи, во II тыс. до н. э. проникли различные скотоводческие племена, по всей вероятности индоевропейцы, близкие древним балтам, которые также принесли с собой протоевропейский тип.

В этнической истории мордовского народа большое значение имело также смешение со славянами.

Вопросу формирования культуры мордовского народа по данным этнографии и фольклора был посвящен доклад В. Н. Белицер (Москва). Она подчеркнула, что своеобразие мордовской культуры нельзя понять и правильно осветить без учета воздействия на него культуры соседних народов. Мордва в течение ряда столетий не только вела борьбу с кочевыми ордами степняков, но и имела торговые и культурные связи со своими южными соседями — скифо-сарматами, половцами, хазарами, а позднее болгарами и татарами. Об этом говорят некоторые черты быта, костюма мордвы, особенно мокши.

С другой стороны, мордва (в особенности ее более северные группы) очень рано (VI—VII вв.) вошла в контакт со славянскими племенами и в течение длительного времени выработала совместно с русским народом, а в иных случаях заимствовала у него более прогрессивные приемы сельскохозяйственной техники, домостроительства, некоторые виды производства, более совершенные орудия труда и т. д.

Некоторые элементы культуры мордвы свидетельствуют об устойчивых местных традициях. Различные промыслы, связанные с обработкой дерева и металла, у мордвы близки к таковым у мари и удмуртов. Женский традиционный костюм мордовского народа сохранил до наших дней свою самобытность. Он близок к костюму марийцев и удмуртов. Имеются

в женском костюме и элементы, характерные для всех финно-язычных народов.

На сессии было заслушано 16 докладов и сообщений, посвященных вопросам этногенеза мордвы по данным языка, фольклора и топонимики.

В докладе Б. А. Серебренникова (Москва) «История мордовского народа по данным языка» отмечалось большое количество словарных сходжений между мордовскими и прибалтийско-финскими языками, а также общие черты в грамматическом строе, что, по мнению докладчика, свидетельствует о более тесной связи мордовского языка с группой прибалтийско-финских языков после распада финно-пермской языковой общности. Изучение ареальных особенностей развития вокализма уральских языков позволило докладчику отнести мордовский язык к центральной группе уральских языков наряду с прибалтийско-финскими и венгерским.

Как подчеркнул Б. А. Серебренников, наличие в мордовском языке марийских и прибалтийско-финских черт позволяет предполагать, что территория расселения древней мордвы находилась где-то между расселением древних марийцев и древних прибалтийско-финских народов. Определение территории расселения древней мордвы в центре России является пределом исторических изысканий в рамках данного этноса. Дальше этого предела теряются границы этноса, и речь может идти о каких-то древних народах и языковых общностях, предшествующих образованию мордовского народа.

Об «Исторической общности эрзи и мокши по данным языка» говорил в своем докладе М. Н. Коляденков (Саранск). Изучение различий между мокшанским и эрзянским языками дало возможность докладчику сделать следующий вывод: современное состояние мордовских языков характеризуется большими различиями, которых в древнейшую эпоху в ряде случаев не существовало. Мокшанские и эрзянские начала стали развиваться после распада мордовского племени с утратой контакта между его частями.

В обширном докладе В. И. Лыткина (Москва) «К вопросу о происхождении аканья в русском языке» была сделана попытка объяснить возникновение аканья

в русском языке влиянием вокализма общемордовского или древнемордовского языка.

«Этногенез мордовского народа и топонимика» — так был назван доклад В. А. Никонова (Москва). Путем сочетания различных средств топонимического анализа докладчик наметил вероятную западную границу собственно мордвы, где ее застало древнерусское расселение из Поднепровья на восток. Отдельные следы этой границы, по мнению В. А. Никонова, обнаруживаются в бассейне Верхней Оки, более надежные — восточней линии Тула—Ливны и широкие — восточней линии Венев—Елец.

На лингвистические темы были сделаны следующие сообщения: В. И. Алатырева (Ижевск) «Мордовско-удмуртские лексические отношения», Р. В. Бабушкиной (Саранск) «Термины родства как явление генетической связи мордвы с другими финно-угорскими народами», И. Д. Воронина (Саранск) «К вопросу о хозяйственной топонимике мордвы и других народов Поволжья», А. П. Феоктистова (Москва) «Мордовско-тюркские отношения по данному языкам», Д. В. Цыганкина (Саранск) «Диалектология как источник познания истории мордовского народа», Н. Ф. Цыганова (Саранск) «Об этнониме мордва» и Р. С. Ширманкиной (Саранск) «Способы связи слов как показатели отношений мордовских языков к другим финно-угорским языкам».

В докладе В. Я. Евсеева (Петрозаводск) «Связи фольклора мордвы и других финно-угорских народов в свете их истории» указывалось, что благодаря наличию в глубокой древности контактов мордовских племен с родственными им финно-угорскими племенами создавалась почва для развития генетически взаимосвязанных фольклорных произведений. Такими, например, мифологические песни о большой березе или большом дубе, о рождении хмеля, о сватовстве космогонических существ к земной девушке и др.

Вопросам мордовского фольклора, его связей с фольклором других народов были посвящены сообщения: А. Г. Борисова (Саранск) «Мордовская свадьба как историко-этнографический источник», Л. С. Кавтаськина (Саранск) «К вопросу об общности песенного фольклора мордвы, карелов и финнов», А. И. Маскаева (Саранск) «Славяно-мордовские связи по материалам эпической песни» и К. Т. Самородова (Саранск) «О связях мордвы с другими народами по материалам обрядового фольклора».

На заключительном пленарном заседании участники сессии приняли рекомендации, в которых содержатся указания на важнейшие задачи дальнейшего изучения этногенеза мордовского народа. Было принято также решение об опубликовании в 1965 г. материалов сессии.

К. МАРК (Таллин), А. ФЕОКТИСТОВ (Москва)